

Многие представители общественных организаций жалуются на трудности при налаживании взаимодействия с государственными властными структурами, хотя, на самом деле, их интересы и цели во многом совпадают. Сегодня своим далеко не простым опытом общения с властью с нашими читателями поделится президент региональной общественной благотворительной организации «Гражданское содействие», член Президиума Национального Гражданского Комитета по взаимодействию с правоохранительными, законодательными и судебными органами, член межведомственной рабочей группы по миграционному законодательству при Президенте РФ Светлана Алексеевна Ганнушкина.

**Светлана
ГАННУШКИНА:**

«ПОРА РОССИИ СТАНОВИТЬСЯ ДОБРОЙ СТРАНОЙ»

– Что, по-вашему, надо изменить в России, чтобы у нас появилось нормальное гражданское общество, и не было бы случаев, когда попавшие в беду россияне оказались без защиты?

– Автоматически права человека не будут выполняться никогда и нигде. Везде существует разветвленная и сильная система общественных правозащитных организаций. Они есть во всех странах. Их много. Но мы, в России, пользуемся гораздо меньшим уважением властей, чем наши западные коллеги. У нас любят ссылаться на общественное мнение. Но как его узнают? Выходят на улицу, опрашивают первых попавшихся 100 человек, при этом забывая, что представитель толпы, не есть представитель общества. Власть толпы, постоянное «голосование большинством», это не демократия. Это – охлократия. Для того чтобы грамотно оценивать

общественное мнение, надо анализировать мнение структурированных частей общества, уважать тех, кто реально представляет интересы общества. К сожалению, у нас такого уважения нет, и становится меньше год от года.

– Что Вы имеете в виду?

– В 1995–1997 годах мы активно работали в Думе в группах по отработке законодательства. В частности, миграционного. И я могу сказать с удовлетворением, что многие удачные формулировки в принятых тогда законах были представлены именно общественными организациями. Что касается некоторых неудачных, то многие из них мы не сумели отклонить. К новым же законам – «О гражданстве» и «О правовом положении иностранных граждан на территории РФ» нас не подпустили.

– Может быть, у Вас не хватило компетенции? Вопрос ведь не простой...

– Мы занимались этим вопросом, мы очень много знаем, у нас есть сборники на русском и английском языке с критикой и экспертизой этих законов самого высокого уровня, которую делают не дилетанты, а профессора, юристы высочайшей квалификации. В результате законы вышли в таком виде, что их невозможно выполнить. Закон «О гражданстве» вступил в силу 1 июля 2002 года, а 1 ноября 2002 года – «О правовом положении иностранных граждан на территории РФ». Сейчас конец мая 2003 года. Ни один, ни другой закон не действует.

– Почему? В силу-то они ведь вступили?

– Вступить в силу и начать действовать – разные вещи. До сих пор не рассматриваются даже заявления на принятие гражданства, потому что эти законы не обеспечены подзаконными актами. Была создана машина без мотора. Она не едет. И мы об этом говорили. Предупреждали, что такая сложная система работать не будет. Законы еще не действуют, а уже понятно, что в них на-

обществом, чтобы не было подобных «накладок»? Власть ведь коренным образом заинтересована в сотрудничестве с общественными организациями, хотя бы ради снятия напряженности.

– Логика и здравому смыслу поведение власти не всегда соответствует. Власть должна была бы что-то понимать, но она не всегда это понимает. Ведь мы для власти полезны, так как выполняем функции, которые не выполняет государство. Мы можем предоставить высококлассных юристов, преданных делу, организовать гуманитарную помощь. Первыми это почувствовали люди, работающие в приемной миграционной службы. Они поняли, что есть место, куда они могут послать нищего, голодного человека за куском хлеба, вместо того, чтобы отвечать в течение 8 часов кряду «я ничем не могу вам помочь». Они могут дать бумажку и сказать «идите в «Гражданское содействие». И это для них облегчение. Иначе можно просто сойти с ума.

– А какой механизм отбора тех, кто реально помогает людям? Как отличить их от просто «шумящих»?

– Только на практике. Должны быть очень компетентные эксперты.

– А как это сделать конкретно? Кстати, об экспертах. Те же гранты часто выделяются не реально хорошо работающим неправительственным организациям, а тем, кто сумел написать более эффективную программу.

– Я не могу понять и тех, кто говорит, мы такие хорошие и замечательные, дайте нам денег на нечетко сформулированные проекты. Нет уж, если вы такие хорошие, научитесь ясно излагать свои планы. Потому что, зачастую, у этих «прекраснодушных и замечательных» совершенно не сформулировано то, что же они собираются делать. Я сама была членом жюри, видела, что у человека самые благие намерения, но конкретно он не понимает того, что собирается делать. Можно давать такому деньги? Мы должны понимать, что фонды требуют отчетности, подробной,

1965 г.

С семьей.
1976 г.

до вносить поправки. И уже вышел приказ о том, как надо принимать документы о гражданстве, о пребывании на территории России. А некоторые постановления так и не вышли. Ни Минэкономики, ни Минздрав не выполнили своих обязанностей. Получается, что Министерство внутренних дел своим решением вводит в действие закон совершенно не обеспеченный в правовом отношении. И на МВД сыплются все шишки, потому что разумный человек, если ему отказывают в получении российского гражданства, обращается в суд. А что может суд? Он принимает решение – обязать принять документы. Другого быть не может. Человек не отвечает за то, что власти не выполнили свои обязанности. Это не его дело. Он знает одно – закон введен в действие. Получается опять – телега впереди лошади.

– Как, на Ваш взгляд, должен строиться диалог между властью и

– Ваша общественная благотворительная организация «Гражданское содействие» является амортизатором, смягчающим напряженность в обществе. Вы гасите конфликты. У вас работают люди, которые реально, не для галочки, сочувствуют нуждающимся, вы ищите пути решения проблемы каждого обратившегося. У вас другие, чем у официальных структур результаты. Но ведь не все благотворительные организации так работают...

– Мы не относимся к числу тех, кто просто любит поднимать шум, хотя среди неправительственных организаций таких тоже немало. Любителей пошуметь, покричать, себя показать... и все. Но власти обязаны научиться отличать одни общественные структуры от других. И власть всегда имеет право выбора. Ее никто не заставляет общаться со всеми.

тщательной, что такая наша жизнь и здесь ничего не поделаешь. Хотите получить поддержку, будьте любезны, удовлетворите требования фондов. Но и фонды должны приглашать членов жюри, которые разбираются в наших российских реалиях. Они должны ездить, смотреть, анализировать, как делала Мери Макколи из «фонда Форда». Мери, как правило, сама предлагала писать заявки. Она пришла к нам и Юрию Шмидту в Санкт-Петербурге, который занимается правами человека, как адвокат, и спросила: «Не нужно ли вашим организациям денег?». И она могла написать заявки.

– Но ведь фонды тоже неправительственные организации. А я бы хотела узнать, какой Вы видите путь выстраивания диалога между вами и правительством, чтобы впредь больше не принимались неработающие законы?

– Для этого необходимо официально включать неправительственные организации в коллективы, которые эти законы разрабатывают. Сейчас весь комплекс вопросов по миграционной политике отдан в межведомственную группу по разработке законодательства в этой области. Руководит ею Виктор Петрович Иванов заместитель главы администрации президента. И все законы по миграции вроде бы исходят от имени президента. Но нас в эту группу не пускают. С самого начала. Не так давно мы были у Владимира Владимировича Путина, как члены комиссии по правам человека при президенте, и говорили ему об этом. Просили включить в группу меня и Тамару Георгиевну Моршакову. Она – советник Конституционного суда, юрист высочайшего международного уровня. И Владимир Владимирович дал распоряжения внести определенные изменения в работе группы Иваново...

На юридическом семинаре Госдумы В. Игрунов, С. Ганнушкина, юрист УВКБ ООН О. Чернышева

В 2002 г. после поездки в Грозный с Виктором Попковым

– И что было потом? Вас включили в комиссию?

– Никого нигде не включили! Я же говорю, нас туда просто не пускают, хотя президент дал поручение определить правовое положение тех групп людей, беженцев, мигрантов, о которых я с ним непосредственно говорила. Но нас не подпускают к выполнению этого поручения. Единственно, кого из правозащитников включили в межведомственную группу, так это Элли Александровну Памфилову. Но Элла Александровна не может заниматься всеми вопросами одновременно. Она – председатель президентской комиссии по правам человека. Не ее задача заниматься частными вопросами. А она вынуждена. Когда она идет в комиссию, она встречается с нашими юристами и мы «накачиваем» ее информацией. Но ведь это не нормально. Так работать сложно...

– Возможно, страх перед общественными правозащитными организациями тянется еще со времен Советской власти, и нет понимания

общности целей и интересов...

– Наверное. Ведь на самом деле мы – союзники. У нас одна цель. То же самое с МВД. Сейчас миграционные вопросы передали туда, а МВД не привыкло работать с общественными организациями.

– Поясните.

– Пожалуйста. Мы при поддержке Совета Европы договорились провести совместный тренинг сотрудников паспортно-визовой службы и наших юристов. МВД нам сорвало этот тренинг. Они прислали нам одного человека. Нас испугались до смерти. К нам отнесли так, будто мы – дурной мальчишка, который научит их хороших детишек чему-то непристойному.

Мы хотели говорить о регистрации и свободе передвижения. Они испугались.

– Они вас боятся?

– Чего нас-то бояться? Бояться надо другого. Сейчас к законодательству нас не подпускают. Все решает чиновник. Юридическая сторона дела принимает-

ся «послушным большинством» парламента. Против закона «О гражданстве» голосовали СПС, «Яблоко», коммунисты. Все. Без исключения. И тогда Жириновский, который кричал больше всех, «русских дискредитируют, русских отлучают от гражданства», первым проголосовал солидарно с «Единством». Потом была встреча депутатов по связям с соотечественниками. И там все дружно ругали МВД. Но за что? МВД просто выполняет их же думские решения.

– Но, возможно, депутаты поняли свою оплошность...

– Вероятно. Но несколько поздно. 11 апреля депутаты направили обращение к президенту с просьбой: «не отлучать наших соотечественников за рубежом от гражданства России». Их бы спросили: что же Вы просите у президента, если сами приняли закон, который нигде не годится. А они нападают на МВД, говорят, милиция плохо себя ведет. А закон, повторяю, по которому творятся безобразия, приняли те же самые депутаты. Вот такая получается демократия.

В России есть давно хорошо зарекомендовавшие себя в правовом поле неправительственные организации. Дайте нам работать в законотворчестве. Не бойтесь нас... Да, конечно, у нас бывают и резкие высказывания. В том числе и в адрес Виктора Петровича Иванова. Но ничего. Он – государственный человек. Не кисейная барышня. Стерпит. Лишь бы дело двигалось в нужном для людей направлении. Но сегодня это, к сожалению, мало кто понимает.

– Что еще, по-вашему, необходимо изменить в практике сотрудничества общественных организаций и власти?

– Нужен гражданский контроль. Приведу такой пример. Я была в тюрьме для депортируемых в Германии. Они

не осуждены, как уголовные преступники, но их изолируют, чтобы они не «растворились по стране» и не пропали.

– Аналогичная практика есть и в России?

– Да, конечно. То же самое есть и у нас. Такие «накопители», где люди годами сидят в ожидании, когда найдутся деньги для их отправки на родину. Тоже никакие не преступники... Но, давайте, вернемся к Германии. Мы сидели и разговаривали с директором этой тюрьмы. Интеллигентнейший человек, который начал с того, что ему не понятно, как это люди сидят в изоляции, не совершив никакого преступления. Но, с другой стороны, он понимал, что иначе они не выедут с территории Германии никогда. Потому что условия в Германии таковы, что «нелегалы» как-то устроиться всегда смогут. Но, сказал он, даже если б я был фашист и садист, я бы не смог ничем навредить сидящим в тюрьме людям, потому что есть такая фрау Мюллер, которая может войти в нашу тюрьму, в любой ее отсек в любое время дня и ночи.

– Кто такая фрау Мюллер?

– Представитель общественной организации, наблюдающий за положением заключенных. Вот что значит подлинный гражданский контроль. Конечно, тюрьма не может быть открыта для всех, но должны быть люди, которые войти туда имеют право. Кроме того, ожидающие депортации могут фрау Мюллер позвонить и сообщить о каких-то нарушениях. А у нас ситуация какая? У меня на глазах могут схватить человека, затащить его в милицию, и у меня, руководителя общественного комитета, помощника депутата Госдумы...нет права даже войти в «обезьянник», чтобы убедиться, бьют там или не бьют задержанного.

– И Вы могли бы конкретно помочь разобраться?

– Да. Например, увидеть, что там сидит человек в домашних тапочках, который без документов вышел купить газету. И он сидит и ждет, когда жена придет и принесет его паспорт с московской пропиской. На каком основании его задержали? Чего его там держат? Это – реальный случай. Я говорю – напишите жалобу на задержавших вас сотрудников отделения. А он не хочет связываться. Бойится.

– Если бы вы, я говорю об общественных организациях, смогли вмешаться, улучшилась бы криминальная обстановка, не стало бы такой глубокой почвы для расцвета экстремизма?

– Конечно. При этом я говорю не о том, что надо впустить куда угодно кого угодно. Но кого-то пускать необходимо. Иначе жить в нормальной стране не получится.

– Вы предлагали это Владимиру Владимировичу?

– Не я, а Валерий Васильевич Борщев.

– И как президент на это отреагировал?

– Сказал, что, конечно, МВД, ФСБ, все органы должны сотрудничать с общественными организациями. Должны, но, пока не сотрудничают.

– Нигде?

– В некоторых местах, да, бывает. Но не в Москве.

– Тогда где?

– В Ростове-на-Дону есть организации, которые активно работают с милицией. К примеру, Лариса Хаперская – конфликтолог, профессор психологии. Она рассказывала о своих успехах по предупреждению конфликтов. Такое должно быть повсеместно. Милиция обязана работать с неправительствен-

ными организациями, но пока этого не происходит. Отсюда проблемы. Как всегда у нас все пытаются «наладить» волевым путем, а, скажем, главная задача милиции в сфере миграции, не предоставление гражданства, а борьба с нелегальной миграцией, которая в России довольно большая и справиться с ней на современном этапе весьма затруднительно.

– Почему?

– Нельзя строгостью закона каким-то образом компенсировать отсутствие нормальных государственных границ. Получается странная вещь – мы пытаемся создать в России такую обстановку, когда к нам чужой никто не полезет. Ставим КПП, где проверяем от и до всех входящих-выходящих... А в полуторах километрах чистое поле. Иди – не хочу. Все открыто...

– А что Вам по этому поводу сказал президент?

– Правильно, сказал, только поручить некому. Но вот этого уже общественные организации сделать не смогут. Хотя... взяли бы, поговорили бы со специалистами, составили бы смету, построили бы границу. Но строить миграционное законодательство страны по принципу «Оставь надежду всяк сюда входящий» невозможно. Это – ад. Но нельзя соорудить ад для одних, который при этом будет раем для других. Ад он ад и есть. В той или иной степени для всех...

– Полтора года назад прошел первый российский Гражданский форум. Оправдались ли Ваши надежды, связанные с ним? Осенью планируется проведение Российского форума в Нижнем Новгороде. Что Вы от него ждете? Какие проблемы будет решать?

– На первый форум я пошла безо всяких особых надежд, и была права. У

На территории Дворца Наций ООН. Женева. Во время перерыва около нашего обелиска, посвященного покорению космоса

С. Ганнушкина и главный редактор издательского дома и газеты «СПб. Ведомости» **О. Кузин** на общественном симпозиуме по миграционной политике, проведенном Национальным гражданским комитетом по взаимодействию с правоохранительными, законодательными и судебными органами

нас подобных собраний полным-полно. Был съезд в защиту прав человека, съезд в защиту прав эмигрантов прошлым летом. Что должен был дать Форум? Прежде всего, переговорную площадку между обществом и государством. Мы вышли с предложениями. Все они, между прочим, были приняты. Ну и что? У нас с МВД дружбы не получилось. Все договоренности были ими нарушены.

Была на форуме переговорная площадка по Чечне. Мы с нее вообще ушли. Потому что все договоренности тоже были нарушены. Вышел приказ №80 о том, как должны проводиться «зачистки», что они станут «адресными» и «конкретными». И все это нарушается. В Чечне сейчас жить просто страшно. Люди в масках врываются куда угодно. Грабят. Избивают. Да что избивают, они расстрелять могут, кого угодно, увести — и человек сгинет...

Я думаю, от следующего форума может быть и некоторая польза... Но я не жду от него никаких судьбоносных решений. От него нельзя отсчитывать историю российского гражданского общества. Вообще, нормальное гражданское общество создается снизу. Неправительственные организации растут, как цветы, которые не очень легко приживаются, но легко могут засохнуть...

— Давайте вернемся к особенностям договорного процесса между властью и обществом. А умеют ли между собой договариваться разные общественные организации? Есть ли здесь проблемы?

— Конечно. Но у нас есть опыт построения сотрудничества. Так мы группой из 7 организаций вошли, например, в комиссию Памфиловой. Мы — единомышленники, хотя и работаем в разных областях. Мы активно сотрудничаем с обществом защиты прав потребителей, с Комитетом солдатских матерей, с Экологическим союзом, с Форумом переселенческих организаций Лидии Графовой. Присматриваемся и к работе Независимой органи-

зации «Гражданское общество». Не так давно я принимала участие в общественном симпозиуме по проблемам нелегальной миграции, проводимом этой общественной структурой и Национальным гражданским комитетом по взаимодействию с правоохранительными, законодательными и судебными органами, членом которого меня избрали в прошлом году. Быть может, общими усилиями можно хоть что-то реальное сделать, в том числе и во взаимодействии с правоохранительными органами.

— На какой основе вы договариваетесь?

— Да так и договариваемся, как люди договариваются. На встречах, в беседах. Например, в Чечне и Ингушетии у нас 54 консультации. Четыре из них в Чечне, там мы снимаем помещения, работаем. Но во всех остальных местах наши юристы трудятся на базе других общественных организаций. Вот вам пример сотрудничества — 50 дружественных организаций. У меня есть «Вера, Надежда, Любовь» в Пятигорске, «Доброе дело» в Краснодаре, Комитет «Надежда» в Волгограде, мемориал в Воронеже...Мы заинтересованы друг в друге...

— Есть ли достойное будущее у России или мы все запутаемся в этих конфликтах? Настанет ли день, когда и в Чечне, и в Москве, и в других районах люди будут чувствовать себя защищенными?

— Нужно четко понять, либо Россия будет такой, либо вообще ее не будет. Сейчас вернуться к огромному тоталитарному государству, управляемому из центра, невозможно. Все развалится моментально. Мы достигли апогея и криминала, и коррупции, и злобы между людьми. Нам пора становиться доброй страной по отношению к живущим у нас народам. Иначе с нами никто жить не захочет, и России не станет...

— У Вас есть семья, двое детей. Хотите ли Вы, чтобы они продолжили Ваше дело?

— Мой сын работает на радиостанции «Свобода». Как программист делает электронное обеспечение. В какой-то мере продолжает мое дело. Но, вообще, я не думаю, чтобы мои дети стали заниматься чисто правозащитной деятельностью.

— А чем Вы любите заниматься в свободное время?

— Раньше любила печь пироги. Теперь — некогда. Все занимает общественная работа. Я сама по образованию математик. Преподавала в РГУ до 1992 г. Теперь пришлось уйти. Нет ни на что времени. Только правозащитная работа. На это уходят все силы...

— Но возможность быть полезной людям дает Вам удовлетворение?

— Не надо пафосных слов. Просто бывает так, что перед тобой стоит нечто, что ты обойти просто не можешь. И ты начинаешь через это «нечто» прорываться. Пока не решишь проблему. Вот и вся правда.

Редакция журнала «Признание» поздравляет Светлану Алексеевну с присуждением ей премии немецкой секции «Международной амнистии», присуждаемой один раз в два года за достижения по защите прав человека.

Беседовала Елена ГРИГОРЬЕВА

С котом Брюшей